

PETR KALETA. Tajemné etnikum z krymu. Osudy příslušníků karajimské emigrace do meziválečného československa. Praha : KLP, 2015. 423 s.

Рост интереса чешской научной общест-венности к народам Евразии, наметившийся в последние годы, нашел свое выражение в монографии чешского историка-слависта, доцента философского факультета Карлова университета в Праге и педагогического факультета университета имени Т. Г. Масарика в Брно Петра Калеты «Таинственный этнос из Крыма. Судьбы представителей караимской эмиграции в межвоенной Чехословакии», изданной пражским издательством KLP (Koniasch Latin Press) в конце 2015 г.

Монография П. Калеты, посвященная караимам — одному из самых малочисленных и одновременно загадочных тюркских этносов — представляет собой уникальное явление в современной чешской историографии, являясь первым фундаментальным монографическим исследованием караимской проблематики на чешском языке. Это тем более важно, поскольку, в отличие от России и Польши, где караимоведение имеет длительную и устойчивую традицию, в Чехии подобная традиция пока не сложилась, а имеющиеся немногочисленные публикации по караимской тематике, как отмечает П. Калета, часто поверхностны и неточны (с. 10).

Основная цель исследования, по словам автора, в том, чтобы показать, как менялась жизнь караимского общества в XIX — начале XX в. и как повлияла на караимов России Первая мировая и Гражданская войны, в результате которых часть караимов оказалась в эмиграции в Чехословакии (с. 9). Монография П. Калеты основана на богатом и разнообразном историографическом и источниковом фундаменте, который включает труды ведущих российских и польских специалистов-караимоведов, материалы периодической печати, а также многочисленные архивные материалы, использовавшиеся автором, главным образом при написании главы о судьбах представителей караимской общины в Чехословакии. В работы были использованы материалы Национального

архива в Праге, Архива чешской высшей технической школы в Праге, Городского архива Праги, Моравского земского архива в Брно, Архива органов безопасности в Праге, Словацкого национального архива в Братиславе и Библиотеки Врублевских Литовской Академии наук в Вильнюсе. Помимо этого автор активно использовал материалы семейных архивов, а также результаты устных интервью с потомками караимских эмигрантов. Колоссальным преимуществом монографии является наличие многочисленных фотографий представителей караимской диаспоры в Чехословакии, а также разнообразных документов, связанных с их жизнью.

Первая глава работы посвящена происхождению караимов, караимской религии — караимизму, а также особенностям и месту караимского языка в системе других тюркских языков. Национальную религию караимов — караимизм — П. Калета характеризует как один из важнейших компонентов караимской идентичности (с. 18). Большое внимание автор уделяет специфике религии караимов и ее отличиям от талмудического иудаизма. Как подчеркивает П. Калета, главным для караимов является Ветхий Завет, в то время как приверженцы талмудического иудаизма наряду с Ветхим Заветом признают также «устную традицию, кодифицированную в талмуде» (с. 22). Основоположителем караимского вероучения традиционно считается Анан бен Давид из Басры, живший во второй половине VIII в. (с. 22). Важной чертой вероучения караимов является «самостоятельность и свобода понимания Ветхого Завета с отрицанием каких-либо авторитарных комментариев» (с. 23). С этой точки зрения, по мнению П. Калеты, караимское вероучение сыграло роль, в известной степени подобную роли реформации в христианской Европе (с. 22). Два ключевых догмата караимизма — принцип единства и справедливости Божьей — обнаруживает сходство и с некоторыми течениями в исламе, в частности с ис-

ламской философской школой калам в рамках суннитского ислама (с. 25).

Большое внимание автор уделит зарождению и распространению караимского вероучения, отмечая, что из Месопотамии, где в VIII веке зародился караимизм, он распространялся путями, во многом схожими с распространением талмудического иудаизма, «хотя отношения между ними часто не были наилучшими» (с. 32). По мере распространения караимского вероучения караимские общины возникали на Ближнем Востоке, в Византии, в Восточной Европе и на Балканах.

П. Калета подчеркивает важность расселения караимов на территории Хазарского каганата, что, по его словам, «имело большое влияние на процесс их этногенеза, становление языка и формирование религии» (с. 35). При этом автор отмечает, что установить степень распространенности караимизма в Хазарском каганате сложно, поскольку в средневековых источниках весьма проблематично отделить собственно караимов от талмудистов-иудеев (с. 35). Ссылаясь на работы польских специалистов, автор указывает, что исследования языка и культуры восточноевропейских караимов свидетельствуют об их происхождении от хазар и об их этноязыковой близости к другим тюркским народам Северного Кавказа, а также к чувашам (с. 36). Разгром Хазарского каганата киевским князем Святославом и последующие нашествия половцев и монголо-татар привели к падению роли караимизма в данной части Восточной Европы.

В последующий период своей истории в рамках Крымского ханства караимы имели ряд важных привилегий, включая освобождение от налогов и особый правовой статус; при этом основным занятием караимов в Крыму было ремесло и торговля (с. 40). На территории Руси первая караимская община возникла в Киеве, а также в Галиции еще в конце X в. (с. 41). К концу XIV в. караимы появились на территории Литвы, где их центром стало местечко Троки (лит. Тракай). По приводимой автором легенде, великий князь литовский Витовт в 1398 г. в результате своего похода на Крым привел оттуда

383 караимские семьи, которые были поселены в Троках как жители приграничных крепостей Великого княжества Литовского. Приведенные Витовтом караимы присоединились к уже существовавшей в Литве небольшой караимской общине (с. 44).

Караимы получили ряд привилегий от литовских князей. Так, в 1441 г. Казимир IV Ягеллон предоставил им Магдебургское право. С самого начала великие князья литовские использовали караимов в качестве охранников дорог и мостов, а также местных полицейских формирований. В более позднее время караимы Литвы занимались ремеслом, торговлей и сельским хозяйством, прославившись как искусные огородники. В 1556 г. по официальным данным в Троках проживало около 300 караимов; к 1795 г. их число в результате частых войн и эпидемий упало до 169 (с. 45).

После вхождения в состав Российской империи большое число караимов из Литвы переселилось во внутренние области империи; многие караимы сделали успешную карьеру в Москве, Петербурге и в других крупных городах (с. 46).

Большой интерес представляет подробный анализ публикаций о караимах в чешской прессе вплоть до 1914 г., сделанный автором. П. Калета отмечает, что за исключением статей Палацкого, Зоубка, Ржегоржа и некоторых других авторов, имевших научную ценность, остальные материалы представляли собой либо популярные зарисовки, либо заметки путешественников (с. 72).

Вторая глава монографии посвящена положению караимов в Российской империи, караимской эмиграции после революции 1917 г. и положению караимов во время нацизма.

После вхождения Крыма в состав России в 1783 г. караимы получили ряд привилегий со стороны имперских властей, что позволило им быстро и в целом успешно интегрироваться в социальный организм империи. Как подчеркивает автор, императрица Екатерина II в 1795 г. предоставила караимам право владеть землей, что дало им возможность успешно заниматься сельским хозяй-

ством, в первую очередь скотоводством и коневодством. Примечательно, что известный в России в начале XX в. орловский рысак по кличке Крепыш, многократно побеждавший на российских и международных скачках, принадлежал караиму М. М. Шапшалу (с. 78). П. Калета приводит любопытные данные переписи 1921 г., в соответствии с которой крымские караимы владели в то время 89 573 десятинами сельскохозяйственных земель, включая сады и виноградники.

Откликаясь на просьбы караимов о предоставлении им равных прав с мусульманским населением, император Николай I в апреле 1837 г. уравнивал караимов в правах с местными мусульманами. В результате было создано Таврическое караимское духовное управление с центром в Евпатории, под юрисдикцией которого находились и караимы из западных русских губерний (с. 79). Позже, в начале 1860-х гг., в Тракае было создано духовное управление для караимов северо-западных губерний России.

Событием огромной важности для крымских караимов стал визит в Крым в сентябре 1837 г. императора Николая I с семьей. В ходе визита местные караимы подарили царской семье двух породистых скакунов с драгоценными седлами; царица Александра Федоровна в ответ послала караимской общине в Чуфут-Кале подарок в виде огромного серебряного кубка (с. 80). Позже Чуфут-Кале посещали императоры Александр II, Александр III и Николай II, побывавший в историческом центре караимов в 1902 г.

В 1852 г. караимское население получило возможность свободно селиться в городах Российской империи, в результате караимские общины возникли в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве и Одессе (с. 81). Перепись 1897 г. зафиксировала в Российской империи 12 894 караимов, из них 6166 проживало в Крыму и 1383 — в западных губерниях.

Большой интерес представляет раздел второй главы, посвященный росту образования и изменениям в караимском обществе во второй половине XIX в. П. Калета подробно показывает, каким образом рост образования, социальной мобильности и коммуника-

ции менял характер традиционного уклада жизни караимов, среди которых появились инженеры, врачи, учителя государственных учебных заведений, юристы и офицеры. Любопытно, что количество караимских студентов в российских университетах по отношению к их общей численности было очень высоким (с. 86). Вместе с тем стремительная европеизация караимов, распространение русского языка и нового образа жизни вели к неизбежной утрате традиций и к падению авторитета караимского духовенства, чему пытались противостоять представители караимских традиционалистов (с. 84).

Автор справедливо отмечает противоречивый характер XIX в. в истории русских караимов. С одной стороны, «в XIX веке росло число караимов, возникли новые караимские общины и расцвели караимские святыни... По этой причине некоторые могли называть данную эпоху «золотым веком» караимов». Однако, с другой стороны, быстрая европеизация и русификация караимов, утеря ими традиционных ценностей приводили к тому, что они становились равнодушными к своим корням и культурному наследию; при этом часть образованных караимов полностью интегрировалась в состав русской интеллигенции, которая «часто теряла смысл жизни» (с. 85).

Оценивая отношение властей Российской империи к караимам, автор приходит к выводу, что оно было «в целом позитивным, отразившись и на материальных условиях существования караимов. Однако этого, к сожалению, было недостаточно для сохранения караимской конфессиональной и этнической идентичности...» (с. 92).

Высокий уровень образованности караимов и их успехи в хозяйственной сфере позволили автору обоснованно заключить, что в начале XX в. караимов можно без преувеличения считать частью российской элиты (с. 94). Особый интерес в этом отношении представляет судьба одного из самых интересных представителей караимской общины в России, уроженца Бахчисарая С. Шапшала, который, успешно окончив Петербургский университет, где изучал восточные язы-

ки (турецкий, арабский и фарси), сделал успешную карьеру в российском МИД. Особое значение имела миссия Шапшала в Иране в 1901—1907 гг., где он, будучи представителем России, являлся учителем иранского шаха Мухаммеда Али, с которым у него сложились тесные дружеские отношения. После возвращения в Россию С. Шапшал преподавал турецкий язык и литературу в Петербургском университете, одновременно являясь драгоманом (официальным переводчиком) шестого класса в азиатском департаменте российского МИД (с. 137—140).

Первая мировая война, революционные потрясения 1917 г. и Гражданская война оказали крайне негативное влияние на положение караимов. Если перепись 1897 г. в России зафиксировала 12 894 караимов, то по переписи 1926 г. их численность снизилась до 8324 человек. Любопытно, что в рядах русской армии в боях Первой мировой войны сражалось около 700 караимов, при этом примерно 500 из них были офицерами (с. 94).

Победа большевиков в Гражданской войне привела к эмиграции значительного числа зажиточных караимов, среди которых было много торговцев, ремесленников и представителей интеллигенции. Автор уделяет большое внимание описанию процесса эмиграции караимов, подробно описывая положение караимских эмигрантских общин в различных странах Восточной и Западной Европы. В монографии детально анализируется «Русская акция», начатая в сентябре 1921 г. правительством Чехословакии и направленная на материальную помощь эмигрантам из России, общее число которых в Чехословакии к 1925 г. составляло около 25 тыс. человек (с. 104).

В разгар «Русской акции» в 1922—1923 гг. годовая дотация на ее проведение составила около 120 миллионов крон; к 1930 г. финансирование сократилось до 8 миллионов (с. 109). П. Калета подчеркивает, что подавляющее большинство караимских беженцев, попавших в Чехословакию в рядах русской эмиграции, были военнослужащими Белой армии, главной целью которых было получение высшего образования (с. 115). В целом

до начала Второй мировой войны на территории Чехословакии находилось 49 караимов, большинство которых было солдатами и офицерами Белой армии (с. 116).

Автор знакомит читателей с подробным социодемографическим профилем караимской общины в межвоенной Чехословакии. П. Калета обращает внимание, что все они имели четкое представление о своем этническом происхождении и вероисповедании. Так, большинство из них в официальных документах указывало караимское вероисповедание, что, как полагает автор, было скорее индикатором памяти об их этническом происхождении, поскольку национальную принадлежность они, как правило, указывали русскую (с. 122). Даже Исаак Безикович, имевший сильное национальное самосознание и считавший караимов прямыми потомками хазар, указывая хазарскую национальную принадлежность, в скобках рядом указывал также русскую национальность (с. 122), что свидетельствовало о сложившейся своеобразной двойной идентичности.

Подобные примеры свидетельствуют о сильной степени интегрированности караимов в русскую культуру; причем, судя по всему, эта интегрированность даже усилилась в условиях эмиграции. П. Калета констатирует высокую степень ассимиляции находившихся в Чехословакии караимов — многие из них уже не знали караимского языка; часть из них «была связана с православием, которое они не считали несовместимым со своим караимским происхождением» (с. 122).

Прибывшие в Чехословакию караимы происходили в основном из образованных и обеспеченных семей и «имели прекрасные предпосылки для дальнейшего образования» (с. 123).

Среди немногочисленной караимской общины в ЧСР выделяется шесть человек, которым удалось успешно завершить учебу в чехословацких вузах и сделать успешную карьеру; среди них — горный инженер М. Айваз, конструктор С. Хаджи, железнодорожный чиновник А. Минаш, геолог М. Катик, биолог и зоотехник А. Каракоз и

химик С. Борю (с. 124). О жизненном пути этих лиц подробно говорится в третьей главе монографии, посвященной судьбам караимов, проживавших в Чехословакии. Ценность данной главы особенно велика, поскольку она основана на обширных архивных материалах, включая семейные архивы, и на устных воспоминаниях, зафиксированных автором монографии. П. Калета, опираясь на данные архивов, добросовестно реконструирует и подробно описывает биографии осевших в Чехословакии караимов, которые представляют обильную пищу для размышлений. Так, один из наиболее интересных представителей караимской диаспоры в Чехословакии Михаил Айваз, эмигрировавший из Советской России по причине стойких антисоветских убеждений и сделавший в Чехословакии успешную карьеру химика и предпринимателя в области производства художественной мозаики, увлекался русской советской литературой и ее переводами на чешский язык, поддерживая тесные дружеские связи с рядом крупных советских писателей, включая К. Паустовского (с. 189).

Особый интерес представляет раздел монографии о положении караимов в период нацистской оккупации, где автор подробно излагает драматичные эпизоды борьбы караимов за самосохранение, поскольку первоначально нацистские власти рассматривали ка-

раимов как особую еврейскую секту, что означало перспективу их неминуемой гибели. Караимским деятелям, однако, опираясь на ряд авторитетных европейских ученых, удалось убедить нацистские власти в тюркском происхождении караимов. Особую роль в этом сыграл гахан караимов уроженец Бахчисарая С. Шапшал, который после прихода к власти большевиков эмигрировал в Польшу, где возглавил местную караимскую общину.

Монография П. Калеты, написанная живым и доступным языком и прекрасно иллюстрированная, может по праву считаться первым и весьма основательным камнем в будущее здание чешского караимоведения. Работа чешского историка представляет колоссальный интерес не только для тех, кто интересуется историей и культурой собственно караимов, но и для более широкого круга исследователей русской эмиграции, для которых история малого и таинственного тюркского народа в XX в. может стать полезным инструментом лучшего понимания сложных социокультурных процессов, имевших место в русской диаспоре за рубежом.

К. В. Шевченко, профессор кафедры публичного права Минского филиала Российского государственного социального университета, доктор исторических наук